

NOEL STREATFEILD
BALLET SHOES

НОЭЛЬ СТРИТФИЛД
БАЛЕТНЫЕ ТУФЕЛЬКИ

ИСТОРИЯ О ТРЕХ ДЕВОЧКАХ НА СЦЕНЕ

*Перевод Евгении Бутенко
Художник Елена Москаленко*

Глава I. Двоюродный дедушка Мэтью и его окаменелости

Сестры Фоссил¹ жили на Кромвель-роуд. В том ее конце, что дальше всего от Бромптон-роуд, но все же достаточно близко к ней, чтобы каждый дождливый день смотреть на кукольные домики в Музее Виктории и Альберта², а если не слишком сыро, «сберечь пенни и прогуляться пешком».

Сбережение пенни и пешие прогулки были примечательной чертой их жизни.

— Дводем, — говорила Паулина, старшая из сестер, — наверное, очень любил такси. Прогулок пешком у него и в мыслях не было, иначе он не купил бы дом в дальнем конце самой длинной улицы Лондона.

---

¹ Фамилия девочек *Fossil* в переводе с английского буквально означает «окаменелость, ископаемое». Окаменевшие остатки живых организмов или отпечатки животных и растений, сохранившиеся в камнях, затвердевших смолах, часто находят при раскопках. Они дают важную информацию о жизни на Земле в доисторическую эпоху. Откуда взялась такая фамилия у героинь книги, станет ясно позднее (Здесь и далее. — *Прим. перев.*)

² В лондонском Музее Виктории и Альберта, который назван в честь способствовавших его созданию королевы Виктории и ее супруга принца Альберта, хранится огромная коллекция предметов декоративно-прикладного искусства. А еще там есть Музей детства, где собраны детские игры и игрушки.

— Я полагаю, — возражала средняя, Петрова, — у него был собственный автомобиль, и он никогда не нанимал такси.

Дводем — сокращение от «двоюродный дедушка Мэтью». Для детей он был легендарной личностью, потому что отправился в путешествие, да так и не вернулся. Это произошло в то время, когда обе девочки были еще слишком малы, чтобы его запомнить. Тем не менее этот человек являлся в их жизни фигурой величайшей важности.

— Он был, — сказала однажды Паулина, — как аист в сказке. Он почти наверняка принес нас на своей спине. — Из-за этого в детской комнате сестер Фоссил аистов всегда называли Дводемами.

Дводем был очень важной персоной. Он собрал самую изысканную коллекцию окаменелостей в мире, и хотя многим людям окаменелости могут показаться не таким уж интересным предметом для коллекционирования, есть и другие — те, кто находит их столь же увлекательным предметом для собирательства, как и имеющие смысл предметы, к примеру марки. Собирая окаменелости, Дводем, естественно, нуждался в некоем месте для их хранения. Вот почему он купил дом на Кромвельроуд. В нем были просторные комнаты и почти шесть этажей, если считать подвальный, и на всех этажах, едва ли не в каждой комнате, он держал свои ископаемые сокровища. Разумеется, за таким домом кто-то должен следить, и Дводем нашел для этого самого подходящего человека. У него был племянник, который умер, оставив вдовой жену и сиротой дочку. Что может быть лучше, чем пригласить вдову с дочкой Сильвией и няней Наной жить в доме и присматривать за ним? Через десять лет вдовая племянница умерла, но к тому времени ее дочери Сильвии уже исполнилось шестнадцать, так что она с помощью Наны заняла место матери и следила за тем, чтобы дом и окаменелости находились в порядке.

Иногда, когда дом переполнялся, Нана говорила:

— А теперь, дорогая мисс Сильвия, вы должны сказать вашему дяде: больше ни одной окаменелости, пока пара-тройка из них не покинут дом.

Сильвия ненавидела сообщать это, но она так боялась Нану, что не могла ей противиться. Результатом становились ужасные огорчения. Сперва Дводем говорил, что окаменелости покинут дом только через его труп и никак иначе. Потом, когда он немного успокаивался и понимал, что от нескольких экземпляров необходимо избавиться, не доводя до того, чтобы из дома выносили его мертвое тело, он выбирал несколько маленьких, незначительных образцов и готовился отдать их куда-нибудь. Затем, по прошествии двух-трех дней, в продолжение которых дядя бродил вокруг дома, как лунатик, под строгим взглядом Наны и довольно печальным — Сильвии, в «Таймс» вдруг

появлялась заметка о том, что профессор Мэтью Браун сделал очередной щедрый дар, передав музею несколько окаменелостей. Это означало, что придут мужчины с упаковочными ящиками и заберут кое-какие из самых значительных (а зачастую и наиболее крупных) образцов. Тогда Нана с удовлетворенным вздохом примется за уборку в тех местах, где они стояли, а Сильвия, желая утешить Дводема, станет слушать его рассказы о том, куда он отправится в поисках новых предметов для своей коллекции.

Именно во время этих поисков случилась неприятность, положившая конец Дводемовой охоте за окаменелостями: он полез на гору за одним особенным экземпляром, поскользнулся и упал с высоты в несколько сотен футов¹. Дядюшка Мэтью так сильно повредил ногу, что ее пришлось отнять.

Вы можете решить, что человек, живший ради одних окаменелостей, должен был почувствовать, что ему нечем заняться, раз он

---

¹ Фут — английская мера длины, равна примерно 30 см, изначально — средней длине стопы взрослого мужчины, откуда и название этой единицы измерения: первоначальное значение английского слова *foot* — ступня.

не может больше отправляться на поиски предметов своей страсти, однако Дводем был не из таких.

— Я много путешествовал по земле, моя дорогая, — сказал он Сильвии, — но мало по морям. Теперь я действительно увижу мир. И может статься, найду что-нибудь интересное и привезу домой.

— В этом нет необходимости, сэр, — твердо заявила Нана. — Дом и без того полон. Нам тут не нужны горы резных слонов и прочих безделок.

— Резных слонов! — Дводем смерил Нану презрительным взглядом. — В мире полно восхитительных вещей, женщина. Любую из них я могу привезти домой, а ты говоришь мне о резных слонах!

Однако Нана стояла на своем:

— Хорошо, сэр. Меня только порадует, если вы увидите эти восхитительные вещи, как вы изволите выражаться, но оставите их на своих местах. В этом доме нам больше ничего не нужно.

Восхитительной вещью, привезенной Дводемом домой, была Паулина.

Корабль, на котором путешествовал профессор Браун, столкнулся с айсбергом, и всем пассажирам пришлось пересечь в лодки. Ночью одна из лодок наполнилась водой, и пассажиров выбросило в море. Лодка Дводема ринулась на помощь, но к моменту, когда она добралась до места, все утонули, кроме младенца, который лежал на спасательном жилете и счастливо агукал. Дводем подобрал малышку и завернул в свое пальто, а когда их наконец спас и доставил в Англию проходивший мимо лайнер, спаситель попытался найти кого-нибудь, кто взял бы девочку себе. Возникла проблема. Никто точно не знал, чья это малышка; на борту находились и другие младенцы, трое из них пропали.

«Нужно отправить ее в сиротский приют для девочек», — говорили все, но Дводем имел на сей счет собственное мнение. Все, что он находил, должно отправляться на Кромвель-роуд. Он обещал привезти Сильвии подарок. А что может быть лучше этого? Дводем суетился и сердился, пока готовили документы на удочерение, затем подхватил малышку левой рукой, под правой зажал старую, потрепанную дорожную сумку и, прихрамывая из-за укороченной ноги на протезе, пошел на железнодорожную станцию, откуда уехал в Лондон, на Кромвель-роуд.

Дводем, для которого время действительно значило очень мало, никогда не мог запомнить, что другие люди могут вовсе не ждать его внезапного появления после нескольких месяцев отсутствия. На этот раз он открыл входную дверь, поставил на пол дорожную сумку и огляделся в поисках подходящего места, куда можно было бы положить ребенка. Не найдя ничего, пригодного для этой цели, кроме столика в прихожей или подставки для зонтов, он довольно сердитым голосом позвал Сильвию:

— Привет, Сильвия! Господь благословил меня, в моем доме куча женщин, и ни одной нет рядом, когда нужна помощь.

Нана и Сильвия находились на втором этаже. Они шили новое постельное белье. Нана прервала работу. Игла застыла у нее в руке в верхнем положении, как волшебная палочка, призывающая к тишине.

— Слышишь! Это не голос ли профессора?

Сильвия прислушалась и через мгновение уже была внизу, а Нана шумно дышала у нее за спиной.

— Дорогой Дводем, почему ты не предупредил меня о приезде? Дядя поцеловал ее:

— А зачем тратить марки? Гляди, — он сунул ей в руки младенца, — я привез тебе подарок.

Сильвия откинула верхний край ткани с протянутого ей свертка, оглянулась на Нану и проговорила испуганным, но довольным шепотом:

— Ребенок!

— Ребенок! — Нана почти одним прыжком преодолела две оставшиеся ступени и выхватила сверток из рук Сильвии. Она

повернулась лицом к Дводему: — Правда, сэръ, я не знаю, что вы принесете в дом в следующий раз. У кого, по-вашему, есть время ходить за младенцем?

— Я думал, все женщины любят детей, — возразил Дводем.

— Это еще вопрос, — Нана порозовела от гнева. — Если у мисс Сильвии есть хоть крупица разума, она это не возьмет...

Нана замолкла, потому что младенец внезапно агукнул, что заставило женщину впервые по-настоящему взглянуть на него. Лицо нянюшки изменилось, будто растаяло, и она начала извлекать из себя звуки, какие обычно производят люди, общаясь с младенцами. Потом вдруг свирепо взглянула на Сильвию:

— В какой комнате у меня будет детская?

Изменившееся настроение Наны решило судьбу малышки. Ей отдали старую детскую Сильвии под самой крышей, и Нана стала ее рабой. Сильвии тоже нравилось делать для малышки разные вещи, когда ей позволялось (а такое случалось нечасто), так как

Нана полагала, что «в детской должна быть одна хозяйка». Кухарка, горничная и уборщица отнеслись к вновь прибывшей, как к героине романа.

— Она может оказаться кем угодно, даже особой королевских кровей, раз была спасена из бушующих волн таким чудесным образом, — говорила кухарка за обедами на кухне. Служанки, вздыхая, соглашались с ней.

Возникли некоторые проблемы с выбором имени. Паулиной девочку назвала Сильвия, сказав, что Святой Павел был спасен из моря, поэтому оно подходит. Тем не менее Дводем хотел назвать ее в честь одной из своих любимых окаменелостей, но Нана этому решительно воспротивилась.

— В моей детской, сэр, — твердо заявила она, — дети никогда не носили нелепых имен и не начнут этого делать. Мисс Сильвия назвала ее Паулиной, это очень красивое и подходящее имя, к тому же оно дается в честь святого. И никакое другое использоваться не будет, уж простите меня за прямоту, сэр.

Через год Дводем привез Сильвии второго ребенка. В этой поездке ноги доставили ему немало проблем: его высадили на берег и положили в больницу. Там он познакомился с одним русским — потрепанным жизнью и задавленным горем человеком, который, однако, производил впечатление, что он не всегда был таким забитым и унылым, а прежде носил яркую военную форму и весело катался на санях, между рядами кланявшихся ему крестьян. Этот человек покинул Россию во время революции, они с женой пытались научиться зарабатывать себе на жизнь. В том, чтобы получить где-то жалование, ни он, ни она не преуспели. Жена его заболела и умерла, оставив маленького ребенка. Когда этот мужчина — Борис — тоже оказался на пороге смерти, медсестры в больнице сильно забеспокоились.

— Что нам делать? — говорили они. — Ведь в детском отделении находится младенец.

— Не волнуйтесь об этом, — беззаботно сказал Дводем. — У нас дома есть один ребенок, которого я взял к себе. Заведем еще одного.

Эту малышку Сильвия назвала Петрова, потому что у нее должно было быть русское имя¹, а звучание этого слова напоминало имя Петр. Нана решила, что если один ребенок назван в честь апостола, то и с другим пусть будет так же.

На сей раз Нана даже не заикалась о том, что не возьмет ребенка. Детская комната в доме имелась, как и Паулина.

— Паулине будет очень приятно иметь компанию, — сказала она. Затем посмотрела на Петрову. Девочка была с темными волосиками и желтушным лицом, совсем не походила на золотоволосую и румяную Паулину. — Будем надеяться, что у этой есть мозги, а то слишком легко догадаться, кто в моей детской будет мисс Простушкой.

---

¹ Мы-то с вами знаем, что Петрова — распространенная в нашей стране фамилия. Сильвия, видимо, слышала это слово применительно к женщинам из России и выбрала его в качестве имени для русской по рождению девочки.

Хотя Нана радовалась появлению Петровой, с Дводемом она говорила твердо:

— А теперь, сэ, прежде чем вы снова уедете, возьмите себе в голову, что этот дом — не ясли. Два младенца в детской — хорошо и достойно, как полагается в приличном доме, но двоих достаточно. Привезите еще одного, и я уволюсь. Где тогда вы окажетесь, когда и сами, и мисс Сильвия знает о младенцах не больше, чем о цыплятах?

Возможно, Дводем боялся реакции Наны, но, так или иначе, а последнего младенца он отправил в дом с посыльным в корзине. Вместе с малышкой прибыли пара балетных туфель и письмо, в котором говорилось:

Дорогая племянница!

Вот еще одна Фоссил, в добавление к тем, что уже есть в моей детской. Это маленькая дочь танцовщицы. Ее отец только что умер, а у бедной молодой матери нет времени на ребенка, поэтому я сказал, что возьму девочку. Все, что могла дать ей мать, — это пара туфель, которые я прилагаю. Сожалею, что не принес малышку сам, но сегодня я встретился с приятелем, который отправляется на яхте к неким странным островам. Я присоединяюсь к нему и, наверное, буду отсутствовать несколько лет. Я распорядился, чтобы банк обеспечивал тебя средствами в течение ближайших пяти лет, но я должен вернуться до истечения этого срока.

Твой любящий дядя Мэтью.

P. S. Ее имя — Поза. Неудачное, но верное.

Внезапное появление маленькой Позы погрузило детскую в печаль. Корзину приняла Нана, и когда Сильвия вошла и приблизилась к ней, чтобы посмотреть на малышку, обнаружила девочку лежащей, поджав ножки, вниз лицом на покрытой фланелевым передником коленке Наны. Няня держала в руке огромную пуховку для пудры. При появлении Сильвии она подняла взгляд.

— Ну это уж слишком, — сурово произнесла она и встряхнула над ребенком баночку с присыпкой.

У Сильвии был жалкий вид.

— Я согласна, Нана. Но что нам делать? Она здесь.

Нана сердито посмотрела на Пози:

— Это неправильно. У нас есть Паулина, которой около четырех, Петрова шестнадцати месяцев от роду, и вдруг сваливается эта ночная гуляка. Двух достаточно. Я всегда говорила. Я ведь так ясно все объяснила профессору. Кто она? Вот, что еще мне хотелось бы знать?

— Ну, девочку зовут Пози, и ее мать — танцовщица.

— Пози! У двух других такие прекрасные имена в честь апостолов, а это что за глупая кличка? — Нана фыркнула, выражая отвращение, а потом, чтобы малышка не обиделась, добавила: — Бедная овечка.

— Верно, — Сильвия повернулась к двери. — Теперь мне известно ваше отношение, и я распоряджусь как-нибудь иначе. Может, отдам ее в приют...

— Приют! — глаза Наны засверкали. Она натянула на покорную головку Пози маленький чепчик. — Какие могут быть приюты? Профессор взял ее, и она останется здесь. Но больше — нет, это мое последнее слово.

— Я не думаю, что в ближайшее время появится кто-нибудь еще, — с надеждой в голосе произнесла Сильвия. — Профессор уехал на некоторое время, может быть, лет на пять.

— Лучше бы на десять, — сказал Нана, наскоро целуя Пози. — Это дало бы нам шанс.

Месяца через четыре в дом на Кромвель-роуд прибыла посылка, адресованная «Малышкам Фоссил». Внутри лежали три ожерелья: бирюзовое с биркой «Паулине»; тонкая нитка жемчуга, помеченная «Петрова», и коралловые бусы для Пози.

— Что ж, — сказала Нана, надевая ожерелья на шеи детям, — надеюсь, в ближайшее время мы не получим никаких известий.

Она оказалась права.

Глава II. Жильцы

Паулина, Петрова и Пози вели вполне обычную детскую жизнь. Не слишком много игрушек, потому что у девочек не было родных, которые могли бы их дарить. Одежду в основном передавали от одной к другой, так как денег было немного и никто не знал, когда вернется Дводем, чтобы дать больше.

— Это нехорошо, Нана, — говорила Сильвия. — Пози никогда не получает новую одежду, Петрова тоже. Зато Паулина всегда в обновках.

— Ах, и что же? — Нана с гордостью смотрела на Паулину. — Так бывает во многих детских, и я должна сказать, если кому и должны доставаться новые вещи, хорошо, что ей. Паулину стоит хорошо одевать.

Так и было. К четырем годам Паулина стала милашкой. Копна почти белых кудряшек, огромные голубые глаза и вся такая розово-беленькая, какими бывают самые лучшие дети. Сильвия втайне больше любила Петрову и считала, что та выглядит интереснее. Девочка была очень бледная и худенькая, с глубоко посаженными карими глазами и волосами цвета сойкиного крыла. Пози в два года всех удивила, став вдруг рыжеволосой. До тех пор растительности на голове у нее было совсем мало и в основ-

ном мышинного цвета. Но однажды утром показалось немного рыжины, а через неделю или две девчушка превратилась в явно рыжую.

— Мне никогда не нравились рыжие волосы, — любовно говорила Нана, наматывая на палец локон Позы. — Никогда не нравились, с тех пор как меня ребенком оцарапал рыжий кот. Но если содержать их в порядке, они могут быть чудесными.

Когда дети начали говорить, возникла проблема: как им называть Сильвию. Нана не хотела, чтобы они использовали ее христианское имя.

— Это не годится, мисс. Они могут говорить «мисс Браун» или, если хотите, «тетя», или «кузина Сильвия», но просто «Сильвия» — грубо. Я не допущу такого в своей детской.

— Но, Нана, — возражала Сильвия, — мне не нравится «тетя» и «кузина». Я ведь ни то, ни другое.

— А что ты? — спросила Паулина. — Если ты ни кузина, ни тетя?

— Я опекунша, дорогая, — Сильвия усадила девочку себе на колени. — Как бы ты хотела называть меня?

— Окепунша? — старательно проговорила Паулина. — Окепунша.

— Очень мило, Паулина, — одобрила Нана. — Вы все должны называть мисс Браун Опекуншей, это очень подходящее слово.

Разумеется, Сильвию никогда не называли Опекуншей, так как это было слишком длинно и сурово. Сошлись на Опи, и это удовлетворило всех.

День рождения Паулины отмечали в декабре, и когда ей вот-вот должно было исполниться шесть, как-то вечером, уложив детей спать, Нана пришла к Сильвии:

— Паулине пора начать учиться, и Петровой тоже не повредит — она умна, как вагон мартышек; ей пойдет на пользу, если появится предмет для размышлений. Что им мои потешки? Да и Позы еще совсем малышка, у меня нет времени, чтобы считать с ними и прочее. Вы станете их учить, или отдадим девочек в школу?

Сильвия ужаснулась:

— Мне учить их? Боже мой! Я не могу. Я всегда была полным нулем в арифметике. Мы отправим их в школу.

Так Паулина и Петрова оказались в младшем классе дневной школы совсем рядом с домом. Она называлась «Кромвель-Хаус», у девочек были нефритово-зеленые курточки, платья и береты. На платьях и беретах были вышиты буквы «К. Х.». Обе ученицы невероятно гордились собой.

— Опи, — сказала Петрова, выйдя покрасоваться в школьной форме, — согласишься, никто не догадается, что тут есть ребенок, которому пять лет исполнится только в августе.

— Ты выглядишь, как младенец, — Паулина задрала нос. — Теперь все видят, что мне в прошлом месяце стукнуло шесть.

Однажды утром в школе выяснилось, что у девочек нет настоящих фамилий. Сильвия пришла забирать детей в двенадцать, они вылетели из дверей и повисли у нее на руках.

— Опи, какая у меня настоящая, честная фамилия? — спросила Паулина. — Они говорят — Браун, но я сказала, что нет. Ведь Нана всегда говорила, что ты нам не родственница.

Сильвия взяла каждую девочку за руку:

— Но, дорогие мои, я записала вас обеих как Браун. Какую еще фамилию я могу вам дать?

— Но это не наше настоящее имя, — заметила Паулина.

Петрова дернула Сильвию за руку, чтобы привлечь к себе внимание.

— Опи, на моем ожерелье, которое прислал Дводем, написано «Фоссил».

— Вот именно, — Паулина усиленно закивала. — Фоссил — очень милая фамилия, и наша собственная. Я Паулина Фоссил, — она наклонилась к Петровой: — А ты Петрова Фоссил. Ох... — девочка вдруг замолчала.

— Что такое? — спросила Сильвия.

Паулина посмотрела на Петрову:

— Мы не хотим, чтобы Поза была Фоссил, правда?

— Нет, не хотим, — решительно поддержала ее Петрова.

— Но почему? — рассмеялась Сильвия. — Вы можете быть Фоссил, если вам так нравится, но я думаю, все трое должны иметь одну фамилию.

— Ну, мы с Паулиной в школе, — объяснила Петрова, — а Пози еще ребенок.

— Мы будем не против поделиться с ней фамилией, когда она подрастет, понимаешь? — добавила Паулина.

— Я не понимаю, — отрезала Сильвия. — Пози нам родная. Давайте-ка бегите в детскую. Посмотрим, что скажут Пози с Наной. Сильвия открыла входную дверь.

Пози училась ходить по детской, толкая перед собой деревянную лошадку на колесиках. Паулина и Петрова поймали сестренку.

— Пози, ты хочешь называться Фоссил?

— Ага, — кивнула Пози, которая понятия не имела, о чем они говорят.

— Хочет, чтобы ее называли как? — переспросила Нана.

Дети объяснили. Потребовалось время, чтобы Нана вникла в суть вопроса, потому что девочки говорили в два голоса.

— Фоссил, — она выпятила губы. — Ну, такой фамилии я еще никогда не слышала, это не для детей. Профессор называл так все эти грязные камни, которые тащил в дом.

— Но нас он тоже так назвал, — Паулина восторженно скакала вокруг.

— Назвал, — Нана продолжила штопку. — Это забавное имя, но оно ничем не лучше других.

Петрова прислонилась к ее коленке:

— Мы спрашивали Пози, хочет ли и она так называться. Она сказала «да», но она такая глупенькая, что говорит «да» на все.

Нана удивленно подняла глаза:

— Если вы Фоссил, то Пози тоже. Мне не нужен целый набор фамилий в моей детской. Вы все трое П. Фоссил; и ленточки для маркировки белья будут одинаковые.

Пози должно было исполниться шесть в сентябре. Нана пришла к Сильвии в августе:

— В следующем месяце Пози будет шесть лет. Ей скучно сидеть одной в детской. Может, со следующего семестра она тоже начнет учиться в «Кромвель-Хаусе»?

Сильвия подошла к окну. Нана с неудовольствием отметила, что ее бывшая воспитанница за последнее время сильно похудела, а в ее волосах появилась седина.

— Нана, — Сильвия крутила туда-сюда палочку, с помощью которой закрывают жалюзи. — Ты понимаешь, прошло почти шесть лет, как профессор уехал.

Нана оправила передник:

— Должно быть, так. Он уехал, как раз когда появилась Пози.

— Перед отъездом он договорился с банком насчет денег для нас. Достаточных на пять лет.

У Наны в глазах застыл страх:

— И они закончились?

— Почти. Конечно, я пыталась экономить. Ведь в профессоре никогда нельзя быть уверенным.

Нана неодобрительно надула губы, но сказала только:

— Да, мисс, в самом деле.

— Так вот, дело в том, — продолжила Сильвия, — что я не могу отправить Позы в школу. Мне придется и двух других забрать отсюда. И даже в этом случае...

Нана когда-то была нянькой Сильвии и до сих пор не свыклась с мыслью, что теперь её воспитанница — взрослая женщина. Звук срывающегося голоса мисс Браун, как бывает у людей, когда они сильно расстроены, возбудил в Нане прежние инстинкты няни — покровительницы и заступницы.

— Ну-ну, моя дорогая, — утешительно сказала она. — Не тревожьтесь, всегда найдется способ все уладить, стоит лишь поискать.

Сильвия печально улыбнулась:

— Надеюсь, вы правы. Но в этом доме столько всего нужно улаживать. Во-первых, как следить за домом, если нет денег? Потом, есть вы и другие слуги. Да и едим мы все немало.

Нана минутку подумала, потом ее лицо осветилось радостью:

— А как насчет жильцов? У нас много пустых комнат. Почему не поселить в них каких-нибудь милых людей?

— Жильцы! — Сильвия испугалась. — Не думаю, что профессору это понравилось бы.

— Чего глаз не видит, о том сердце не печалится. Когда я завтра поведу Позы на прогулку, зайду в «Хэрродс»¹, а потом дам объявление в газету.

— Ох, Нана, в доме столько всего нужно переделать, прежде чем мы сможем принимать постояльцев.

— Только прикупить кое-чего и позвать столяра. За пару недель справимся. Мы не получим отклики так уж быстро. Я всегда говорю: не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня.

— Но что с учебой детей? Как быть с этим?

Нана погладила рукой лежавшую на диване подушку и беззаботно проговорила:

---

¹ «Хэрродс» — самый большой универмаг в Лондоне; основан в 1825 году Чарльзом Хэрродом; расположен на Бромптон-роуд, недалеко от дома, где происходит действие книги.

— Я помню, мисс Эдвардс, которая вас учила, говорила, что вы были очень толковой ученицей.

— Ох, Нана! — Сильвия пришла в ужас. — Ты не думаешь, что мне следует их учить? Я ни за что не справлюсь с арифметикой.

— Можно и другому учить, не только сложению с вычитанием. Сильвия покачала головой:

— Чтение, письмо и арифметика. Без этого нормальной учебы не бывает.

— Это ненадолго, — не унималась Нана. — Профессор скоро вернется. Я полагаю, вы знаете достаточно, чтобы учить детей до его возвращения.

— Может быть, Паулину, но не Петрову! Она очень хорошо управляется с цифрами.

— Когда я утром пойду в «Хэрродс» с Позы, куплю вам книгу по математике. Я видела такие, у которых с одной стороны — примеры, а с другой — ответы. Вам ничего не нужно знать, чтобы вписать их в нужные места, — Нана встала. — Ну, я пойду спать, если позволите. Завтра у нас трудный день, надо подготовиться к приему постояльцев, и вообще.

Трое детей с удовольствием принялись помогать обустроить по-новому комнаты в доме. Нана целыми днями была занята: шила занавески и чехлы на стулья. На детей у нее оставалось мало времени, так что иногда они ходили с Сильвией покупать мебель и выбирать перины с одеялами. Случалось, помогали на кухне. А бывало, когда никто не видел, вместе с малярами красили стены в комнатах для жильцов. Это было похоже на каникулы. Так приятно заниматься вещами, которых обычно не делаешь!

Однажды после обеда, когда все три девочки были на кухне, раздался звонок в дверь. Кухарка учила Паулину делать булочки. Клара, горничная, гладила. Позы лепила зверюшек из теста, а Петрова сидела на широком подоконнике и читала рекламную брошюру о машинах марки «Ситроен».

— Провалился бы этот звонок! — сказала Клара. — Как я успею повесить это в комнатах жильцов, если он все звенит и звенит?

— Раньше не звенел, — разумно заметила Паулина. — Мы тут уже несколько часов, и он ни разу не звякнул.

